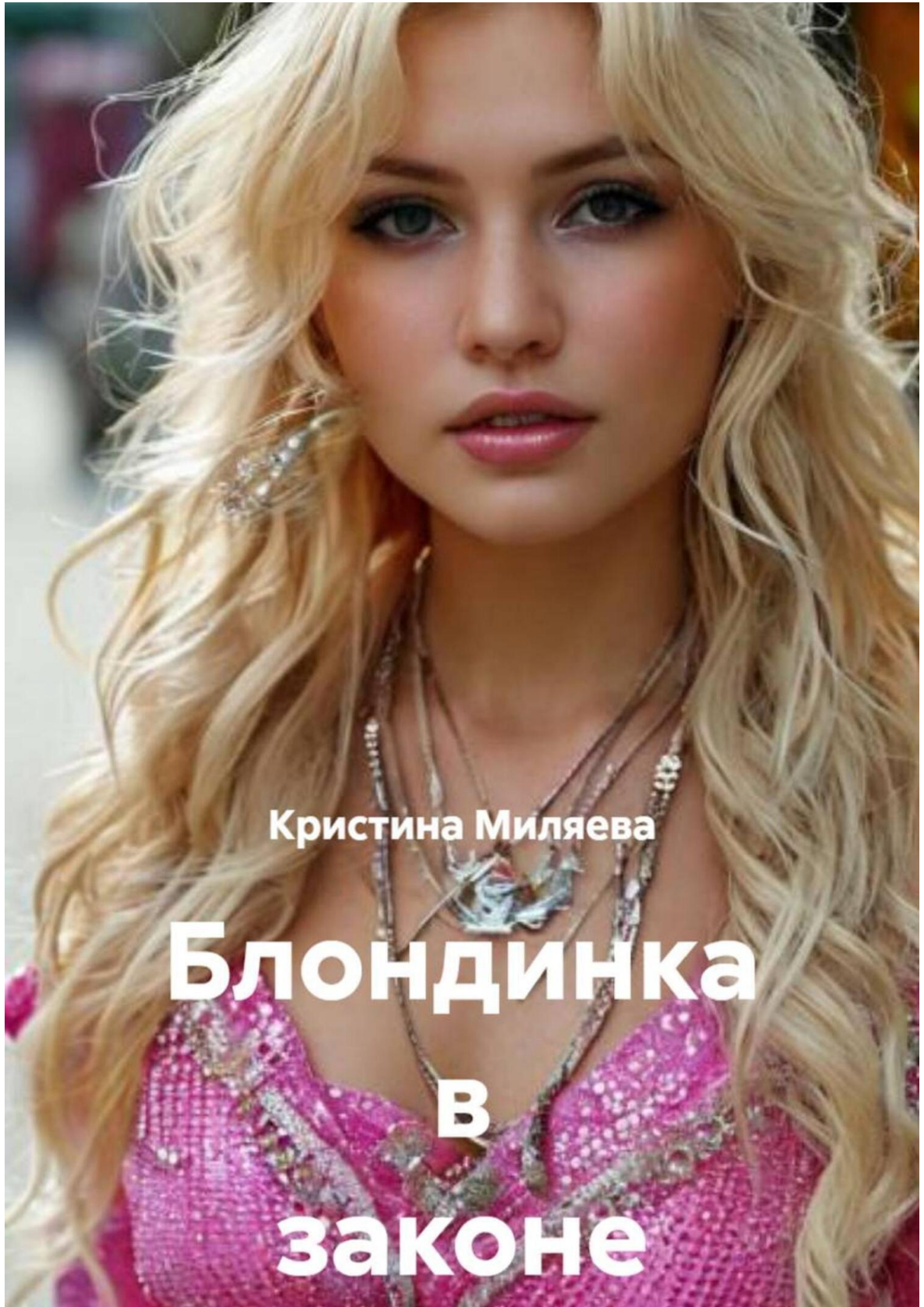

A close-up portrait of a young woman with long, wavy blonde hair and blue eyes. She is wearing a pink, sequined top and multiple necklaces, including a large, ornate silver necklace. The background is blurred.

Кристина Миляева

Блондинка

В

законе

Кристина Миляева

Блондинка в законе и вне

«Автор»

2025

Миляева К.

Блондинка в законе и вне / К. Миляева — «Автор», 2025

Я приехала в Москву «за победой». Но попала из огня, да в полымя. Город захлёстывает волна криминала. И теперь мне, вчерашней выпускнице, едва заступившей на службу в милицию, приходится противостоять могущественной ОПГ «Оберег», коррумпированным чинам в самой милиции и теням прошлого.

© Миляева К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Милиционер с бантиком	5
Глава 2. Потерянная помада и найденные проблемы	8
Глава 3. Улики против курицы	12
Глава 4. Секреты маминой шкатулки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристина Миляева

Блондинка в законе и вне

Глава 1. Милиционер с бантиком

Моё первое утро в милиции началось с того, что я запуталась в шнурках от новых, купленных специально для карьеры правоохранителя, ботинок. Ботиночки были чёрные, страшные, на полтора размера больше, и мои ноги в них просто утонули. Но форменная одежда полагалась только настоящим операм, а я была так, мелкая сошка, секретарша-машинистка. «Канцелярская крыса», как с прискорбием сообщила мне мама по междугороднему телефону из нашего провинциального Мухоморска.

Я, Светлана Ветрова, двадцать два года от роду, натуральная блондинка (с лёгкой помощью «Лондафона», конечно же, медовый оттенок), решила покорить столицу. Ну а как ещё? Сидела я на своей птичьей рынке, продавала вонючих цыплят и мечтала о большой любви и головокружительной карьере. В итоге любовь пока обходила меня стороной, а вот с карьерой вышла заминка. Куда меня, с моим заочным библиотечным техникумом, могла взять Москва? Только уборщицей да посудомойкой. Но тут подвернулся дальний родственник дяди Вадима, который когда-то учился с начальником одного из столичных ОВД. После трёх бутылок коньяку и долгих вздохов о былой молодости, меня, наконец, пристроили. Сказали: «Сиди, печатай, не высывайся, и всё будет пучком».

Вот я и не высывалась. Вернее, пыталась. Получалось плохо.

Отделение, в которое я попала, находилось в старой, обшарпанной пятиэтажке, пахло дешёвым табаком, пылью и чем-то ещё, отдалённо напоминавшим надежду. Меня представили майору Кожухову – моему непосредственному начальнику. Он сидел за столом, заваленным папками, и смотрел на меня так, будто я была не живым человеком, а очередной нерешённым преступлением.

Кожухову было лет сорок пять, может, пятьдесят. Лицо обветренное, усталое, с глубокими морщинами вокруг рта и серыми, холодными, как ноябрьская слякоть, глазами. Он молча оглядел меня с ног до головы. А на мне был мой лучший костюм – ярко-розовый, с подложенными плечиками и золотыми пуговицами, под цвет костюма я надела такие же розовые колготки и туфли на немыслимой платформе. На голове красовался огромный бант, тоже розовый. Ну, я же хотела произвести впечатление!

– Ветрова? – произнёс он наконец, и его голос прозвучал как скрип несмазанной двери. – Документы.

Я судорожно полезла в свою блестящую розовую сумочку, поймала на крючок застёжки и с грохотом вывалила на пол всё её содержимое. Рассыпались помады, тени для век, рассыпался зеркальце, которое со звонким треском разбилось о кафельный пол.

– Ё-моё... – вырвалось у меня.

Кожухов закрыл глаза, как будто помолился о терпении. Я, красная как рак, на четвереньках стала собирать свои девчачьи сокровища.

– Садитесь, Ветрова, – вздохнул он, когда я, наконец, вручила ему свою трудовую книжку и паспорт. – Вот ваш стол. Вот пишущая машинка «Ундервуд». Печатать умеете?

– Ещё как! – воскликнула я радостно. – В техникуме у нас был кружок машинописи! Я даже «Собачий вальс»...

– Мне не нужен «Собачий вальс», – перебил он меня. – Мне нужны отчёты. Аккуратно, без ошибок. Вот стопка черновиков. Перепечатайте. И, Ветрова...

– Да? – улыбнулась я ему во все тридцать два зуба.

– Уберите этот... бант. Это не утренник в детском саду.

Я обиженно надула губы, но бант сняла. Без него я почувствовала себя голой. Моё рабочее место находилось в общем зале, за стареньким деревянным столом, напротив таких же столов других сотрудников. Меня представили – вот Серёга, вот Петрович, вот лейтенант Зайцев. Серёга и Петрович были мужиками в возрасте, выдавшими виды, а Зайцев – молодой, симпатичный, с насмешливыми глазами. Он тут же подмигнул мне.

– Ну, Света, держись. У нас тут не сахар.

Я с энтузиазмом принялась за работу. Машинка оказалась древней, клавиши тугие, я стучала по ним так, что со стола подпрыгивали стаканчики с чаем соседей. Первый же отчёт о краже трёх кур из совхоза я перепечатала четыре раза. То ошибку допущу, то кляксу поставлю. Кожухов, проходя мимо, бросал на мои потуги взгляд, полный безысходности.

В обеденный перерыв я решила проявить инициативу и сходить за чаем для всего отдела. Несла я шесть полных кружек, гордая как пава, и на самом интересном месте – как раз мимо стола майора Кожухова – мой розовый каблук предательски соскользнул с платформы. Я не упала, нет. Но волна из шести кружек пролилась ровным слоем на разложенную оперативную сводку.

Наступила мёртвая тишина. Весь отдел замер. Кожухов медленно поднял на меня глаза. В них я прочитала всё – и усталость, и раздражение, и немой вопрос: «Господи, за что?».

– Ветрова, – произнёс он с ледяным спокойствием. – На улице, в двухстах метрах отсюда, есть ларёк «Союзпечать». Сходите, купите себе «Работницу». Или «Крестьянку». Почитайте. А здесь... – он ткнул пальцем в мокрую кашу из бумаги, – вам сегодня делать нечего.

Я выскочила из кабинета, глотая слёзы. Всё пропало! Меня сейчас уволят, опозорят, и придётся возвращаться в Мухоморск к вонючим цыплятам! Я просидела на лавочке у «Союзпечати» час, тупо листая журнал. Потом, собрав волю в кулак, решила вернуться. Может, пронесёт.

Обратно меня не послали. До конца дня я сидела, как приговорённая, и смотрела в окно. Серёга с Петровичем ушли на вызов. Зайцев что-то увлечённо печатал на своей машинке. Кожухов не выходил из кабинета. В шестом часу он появился и, бросив на меня короткое: «Свободна», – скрылся за дверью.

Я выдохнула. Первый день пережит. Увольнять, похоже, не собираются.

Вышла на улицу. Был уже вечер, ранние осенние сумерки быстро сгущались. Воздух был холодный, пахло прелыми листьями и выхлопными газами. Мой автобус ходил редко, и, чтобы сэкономить время, я решила срезать путь через дворы. Девяностые годы на дворе, все твердят – опасно, не ходите одни. Но я же была в милиции работаю! Ну, почти.

Дворы оказались лабиринтом из пятиэтажных хрущёвок, с кривыми деревьями, ржавыми качелями и зловеще тёмными подъездами. Я закуталась в свой лёгкий, не по сезону, плащик и зашагала быстрее. В голове крутились дурацкие мысли – вот вернусь домой, на свою заставленную соседкиными банками с огурцами кухню, и буду есть пельмени под сериал «Просто Мария». Грусть-тоска.

И тут я их увидела.

В самом глухом углу двора, между двумя гаражами-ракушками, стояли двое мужчин. Один – высокий, в длинном дорогом пальто цвета воронёной стали, с каракулевым воротником. Другой – щуплый, в потрёпанной куртке-косухе, ёжась от холода. Разговор их был негромким, но напряжённым. Я притормозила. Любопытство, знаете ли, не порок, а первейшая движущая сила всех идиоток на свете.

– ...деньги есть, товара нет, – доносился взволнованный голос человека в косухе. – Меня уже жмут! Что я скажу?

– Успокойся, – голос человека в пальто был низким, бархатным, но в нём чувствовалась сталь. – Скажешь, что были задержки. Всё придёт. Вот, держи. Это аванс. Для успокоения.

Он протянул конверт. Тот, в косухе, жадно схватил его, сунул за пазуху. И в этот момент луч света от чьего-то окна на втором этаже упал прямо на руку человека в пальто. На смуглой коже, из-под манжеты белоснежной рубашки, я увидела татуировку. Чёткий, стилизованный орёл с распростёртыми крыльями и маленькой, изящной короной на голове. Мне даже показалось, что орёл был не чёрным, а тёмно-синим. Отметина была красивой и страшной одновременно.

Я замерла, забыв обо всём. Они были так похожи на бандитов из какого-нибудь фильма! И тут человек в пальто медленно повернул голову в мою сторону. Я не увидела его лица – оно было в тени, но почувствовала на себе тяжёлый, изучающий взгляд. Меня будто током ударило. Сердце ёкнуло и ускало куда-то в пятки.

– Девушка! – окликнул он. Голос был спокойным, но не предвещал ничего хорошего.

Я не помню, как развернулась и побежала. Неслась по тёмным дворам, спотыкаясь о разбросанные кирпичи, не чувствуя под собой этих дурацких ботинок. Мне казалось, что сейчас из каждой подворотни выскочит тот самый человек в пальто и схватит меня за руку с этим орлом. Я добежала до своей улицы, влетела в подъезд и, прислонившись к холодной стене, стала жадно глотать воздух.

Дома, запершись на все замки, я налила себе стакан воды дрожащими руками. Что это было? Криминальная сделка? Да какая же ещё! Ну вот, один день проработала в милиции, и уже вляпалась во что-то тёмное. Я пыталась успокоиться. Ничего страшного. Они меня не видели толком, не запомнили. Просто испугались, как и я.

Я стала раздеваться, всё ещё дрожа. Сняла плащик, потянулась к сумочке, чтобы достать крем для лица. И тут мои пальцы нащупали на дне только один стержень помады. Второго, нового, дорогого, от «Мэри Кэй», розового с перламутром, там не было.

Я обомлела. Перевернула сумочку, вытряхнула всё содержимое на стол. Ключи, расчёска, тени, кошелек с тремя сотнями рублей... А помады не было. Её не было!

Я отчётливо помнила, что поправляла губы, выходя из отделения. Значит... Значит, она выпала. И выпасть она могла только в одном месте – там, где я стояла, зачарованно глядя на двух незнакомцев. Там, где на меня упал тот леденящий взгляд.

Я медленно опустилась на стул. Ё-моё. Вот это уже было по-настоящему страшно.

Глава 2. Потерянная помада и найденные проблемы

Ту ночь я не спала. Ворочалась на продавленном диване, прислушивалась к каждому шороху в подъезде. Мне чудились шаги на лестничной клетке, скрип тормозов во дворе. Помада... Дурацкая, розовая, купленная на последние деньги в универмаге «Москва» помада стала вдруг зловещим символом моей гибели. Она лежала там, в грязи, как улика, которая вела напрямик ко мне. К глупой Светке Ветровой, которая сунула нос не в своё дело.

Утром я была похожа на зомби. Под глазами залегли фиолетовые тени, рука дрожала, подводя стрелки. Даже розовый костюм не радовал. На работу я шла как на эшафот. Каждый прохожий казался подосланным убийцей, каждая «девятка» притормаживающая у тротуара – машиной с киллерами.

В отделении царило не привычное утреннее затишье, а какое-то напряжённое оживление. Серёга и Петрович, обычно клевавшие носами над стаканами чая, уже были в форме и о чём-то оживлённо шептались у карты района. Лейтенант Зайцев, увидев меня, не подмигнул, а лишь коротко кивнул, его лицо было серьёзным.

– Ветрова, – окликнул меня майор Кожухов, выходя из своего кабинета. Он выглядел ещё более мрачным, чем вчера. – Кофе. Без сахара. И сюда, – он ткнул пальцем в сторону своего стола.

Я кивнула, словно пружинная кукла, и бросилась выполнять приказ. Наливая в стакан тёмную, горькую жижу из громадного эмалированного чайника, я украдкой наблюдала за происходящим. К отделению подъехала милицейская «Волга», из которой вышли люди в штатском, но с такими лицами, что сомнений не оставалось – опера.

– Кожухов, у нас ЧП, – сказал один из них, высокий, сутулый, с лицом, испещрённым оспинами. – В восьмом квартале, в тех самых дворах за гаражами, нашли мужчину. Со связанными руками. Один выстрел в затылок. Классика.

У меня похолодели пальцы, и я едва не уронила стакан с кофе. Восьмой квартал... За гаражами... Это же там!

– Кто? – коротко спросил Кожухов, принимая от меня стакан. Его пальцы слегка коснулись моих, и я дёрнулась, будто меня ударило током.

– Пока без документов. Лицо... изуродовано. Но опознать можно. Похож на одного мелкого барыгу из обоймы «Оберега». Никита Сомов, по кличке «Сом».

У меня закружилась голова. Мелкий барыга... Тот самый, в потрёпанной косухе? Тот, кто взял конверт? Его убили. Значит, тот, в дорогом пальто... Он не просто запугивал. Он убивал.

– Поехали, – Кожухов отхлебнул кофе, поморщился и поставил стакан на стол. – Ветрова, сидите тут, не отвешивайте. Если будут звонить...

Но я его уже не слушала. Мысли неслись вихрем. Меня видели. Рядом с этим мёртвым Сомовым лежала моя помада. Её обязательно найдут. И тогда... О, боже... Тогда придут и за мной.

Я просидела за своим столом, не шелохнувшись, около часа. Передо мной лежала стопка бумаг для перепечатки, но я не видела ни одной буквы. Перед глазами стояло лицо майора Кожухова – усталое, недоверчивое. Он что-то подозревал? Чувствовал?

Вдруг дверь распахнулась, и в отделение ввалилась вся группа. Лица у всех были напряжённые, сосредоточенные. Кожухов нёс в руках большой жёлтый конверт с фотографиями. Он бросил его на свой стол и, тяжело вздохнув, прошёлся рукой по лицу.

– Ничего ценного, – проворчал он. – Убили и убили. Ни свидетелей, ни очевидцев. Как в воду канул.

Сердце моё бешено заколотилось. Свидетели... Очевидцы... А я? Я-то была! Но сказать об этом – значит подписать себе приговор. Меня убьют, как того Сомова. А не сказать... А не сказать – значит жить в этом кошмаре вечно.

Лейтенант Зайцев подошёл к столу Кожухова и стал листать фотографии.

– Жестоко работают, – заметил он без особого выражения. – Чисто. Ни отпечатков, ни гильз. Профессионалы.

Меня потянуло к ним магнитом. Мне нужно было увидеть. Увидеть это место. Убедиться, что моей помады там нет. Или... или найти её.

Я встала, сделав вид, что несу Кожухову на подпись какую-то бумагу. Подойдя к его столу, я украдкой заглянула в развёрнутый конверт. И замерла.

Чёрно-белые снимки. Грязный проход между гаражами. Тёмное пятно на земле – видимо, кровь. А чуть в стороне, почти у самого края кадра, в колеи грязи, лежал маленький, ярко-розовый предмет. Он был так ярок, так неестественен на этом мрачном фоне, что его нельзя было не заметить. Моя помада. Она была там.

– Что-то не так, Ветрова? – сухой, как осенний лист, голос Кожухова вывел меня из ступора.

Я отшатнулась, будто меня ошпарили.

– Нет! Ничего... Я... бумагу на подпись...

Я судорожно протянула ему первый попавшийся листок. Это был старый отчёт о краже велосипеда. Кожухов взглянул на него, потом на меня. Его серые глаза сузились.

– Это с прошлого месяца. Вы что, Ветрова, не выпались?

– Да... нет... то есть да, – залепетала я, чувствуя, как горит всё лицо. – Голова болит.

Он молча отодвинул бумагу и снова уткнулся в фотографии. Я, шатаясь, побрела к своему столу. Теперь я знала наверняка. Моя помада была на месте убийства. Её видели. Её сфотографировали. Рано или поздно кто-то спросит: а чья она? Может, её уже опознали. Вдруг это какая-то редкая серия? И по ней выйдут на магазин, а там вспомнят глупую блондинку, которая так долго выбирала оттенок...

Мысль пришла внезапно, как удар молнии. Надо её забрать! Пока они не догадались. Пока не начали искать владелицу. Это же всего лишь помада. Они не станут её брать в качестве вещдока, там же явно своя драма разыгралась. Её просто выбросят. Или затопчут в грязь. Надо просто прийти и забрать её. Ночью. Когда никого не будет.

План был идиотским. Я это понимала даже своим скромным умом. Но страх заглушал все разумные доводы. Страх и какая-то животная потребность избавиться от этой улики, уничтожить её.

Весь оставшийся день я провела в лихорадочном возбуждении. Я пыталась работать, но получалось ещё хуже, чем вчера. Я вставила листок в машинку задом наперёд, потом напечатала весь отчёт с включённым режимом шифта, получив сплошные заглавные буквы. Кожухов пару раз бросал на меня тяжёлые взгляды, но ничего не говорил. Видимо, махнул рукой.

Наконец, пробило шесть. Я выскочила из отделения первой, не прощаясь ни с кем. Дома я не осталась. Переоделась в тёмные джинсы и тёмную же кофту, накинула немаркий плащ. Выглядела я, наверное, как пародия на шпионку из дешёвого боевика, но это было лучше, чем розовый костюм.

Стемнело быстро. Я доехала на автобусе до нужной остановки и, сжавшись в комок, побрела к тому самому двору. Было холодно, дул пронизывающий ветер, срывающий с деревьев последние листья. Дворы погрузились во мрак, кое-где мигали тусклые фонари, создавая больше теней, чем света.

Я шла, прислушиваясь к каждому звуку. Где-то лаяла собака, из открытого окна доносились звуки попсы. Я приблизилась к проходу между гаражами. Его уже не ограждала милицейская лента – всё было кончено. Я сделала глубокий вдох и шагнула в темноту.

Здесь пахло по-другому. Не прелыми листьями, а чем-то металлическим, затхлым. И ещё сладковатым, приторным запахом, который я не могла опознать, но который заставлял сжиматься желудок. Я достала из кармана маленький фонарик-зажигалку, который купила по дороге. Дрожащей рукой направила луч на землю.

На том месте, где на фото было тёмное пятно, теперь виднелась лишь развороченная грязь. Кто-то ходил здесь, много кто. Следы ботинок, окурки. Я стала водить лучом по краям, туда, где на снимке лежала помада. Сначала я ничего не увидела. Сердце упало. Значит, её забрали? Подняли как вещдок?

И тут луч скользнул по основанию одного из гаражей, и что-то блеснуло. Маленький, розовый цилиндр, прижатый к ржавой стенке, будто его отшвырнули ногой. Он был здесь!

Я бросилась вперёд, забыв обо всём на свете. Вот он! Моё спасение! Я протянула руку, мои пальцы уже почти коснулись прохладного пластика...

– Нашла что-то интересное, девушка? – раздался спокойный, бархатный голос прямо у меня за спиной.

Я вскрикнула и резко обернулась, роняя фонарик. В двух шагах от меня, прислонившись к стене следующего гаража, стоял Он. Тот самый человек в дорогом пальто. Воротник был поднят, половина лица скрыта в тени, но я узнала его по осанке, по тому, как он держался. И по тому леденящему спокойствию, что исходило от него.

– Я... я... – язык отказался меня слушаться.

– Ты вчера здесь была, да? – он сделал шаг вперёд. Я отступила, наткнувшись спиной на холодный металл гаража. Бежать было некуда. – Суёшь нос не в своё дело. И сегодня пришла. За своей вещичкой?

Он знал. Он всё знал. Он видел меня вчера, он видел, как я уронила помаду, и он догадался, что я вернусь.

– Мне... просто жалко было помаду, – выдавила я, и сама поняла, насколько это звучало нелепо.

Он тихо рассмеялся. Это был мягкий, приятный смех, но в нём не было ни капли веселья.

– Жалко помаду... Мило. А мне, знаешь ли, жалко терять хороших сотрудников. Никита был... неосторожен. А ты, я смотрю, тоже.

Он сделал ещё шаг. Теперь я видела его лицо. Хорошее, даже красивое, с правильными чертами, тёмными глазами и сединой на висках. Человек лет пятидесяти, выглядевший как уважаемый артист или профессор. Но в этих тёмных глазах читалась такая бездна холодной жестокости, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Я ничего не видела! – залепетала я. – Я не знаю кто вы! Я просто шла домой!

– И случайно вернулась за помадой на место убийства? – он поднял бровь. – Невероятное совпадение. Я не люблю совпадений.

Он был так близко, что я почувствовала запах его дорогого парфюма – древесный, пряный, с горьковатой нотой.

– Пожалуйста... – прошептала я. – Я никому не скажу. Я уеду из Москвы!

– Уедешь? – он задумчиво повторил. – Это... идея. Но сначала ответь мне на один вопрос. Почему ты так испугалась вчера? Узнала меня?

Я затрясла головой.

– Нет! Нет... Я... я увидела вашу татуировку.

Он замер. Его лицо стало непроницаемой маской.

– Татуировку? – он медленно протянул руку в чёрной кожаной перчатке и отогнал манжет. Синий орёл с короной будто подмигнул мне в свете луны. – Что ты знаешь об этом орле?

– Ничего! Клянусь! – слёзы брызнули у меня из глаз. – Я просто испугалась! Она выглядела... страшно.

Он смотрел на меня долго, изучающе. Казалось, он решал сложную шахматную задачу.

– Страшно, – повторил он наконец. – Да. Многие боятся. И правильно делают. Значит, ты действительно просто глупая девчонка, которая оказалась не в том месте и не в то время.

– Да! – воскликнула я с надеждой. – Я дура! Полная дура! Я даже в милиции только секретарём, я ничего не понимаю!

При этих словах его лицо снова изменилось. В глазах вспыхнул внезапный, живой интерес.

– В милиции? – он произнёс это мягко, почти ласково. – Вот как... Работаешь на дядю? Интересно. У кого?

Я поняла, что совершила новую, возможно, ещё более страшную ошибку. Но скрывать уже не было смысла.

– У майора Кожухова... в 78-м отделении...

– Кожухов... – он произнёс эту фамилию так, будто пробовал на вкус. – Старый знакомый. Ну что ж... Ситуация приобретает новые краски.

Он отступил на шаг, давая мне пространство. Я не верила своему счастью.

– Иди, – сказал он просто. – Забирай свою... помаду. И забудь обо всём, что видела. Если, конечно, жизнь тебе дорога. И работа у дяди Кожухова. Поняла?

Я кивнула так часто, что голова могла отвалиться.

– Поняла! Я всё забуду! Всё!

– Надеюсь, – его голос снова стал бархатным и опасным. – Потому что если я услышу, что кто-то в твоём отделении интересуется орлами... Или мной... Мы встретимся снова. И разговор будет гораздо менее приятным.

Он повернулся и медленно, неспешной походкой, вышел из прохода, растворившись в темноте двора.

Я простояла ещё минут пять, прислонившись к гаражу и не в силах пошевелиться. Потом, наконец, рухнула на корточки и подняла помаду. Драгоценный, проклятый кусочек пластика. Я сжала его в кулаке так, что он чуть не треснул.

Он отпустил меня. Но я поняла одну страшную вещь. Он отпустил меня не потому, что поверил в мою глупость. А потому, что узнал, где я работаю. И теперь у него была над ним какая-то власть. Я стала пешкой в какой-то чужой, страшной игре. И правила этой игры мне были неведомы.

Я побрела домой, не оборачиваясь. Помада лежала в кармане, жгла меня, как раскалённый уголь. Я была спасена. Но почему-то чувствовала себя в тысячу раз более уязвимой, чем пять минут назад.

Глава 3. Улики против курицы

Мне казалось, я не засну никогда. Каждая тень в комнате казалась силуэтом человека в пальто, каждый скрип половиц – его шагами. Я засунула злополучную помаду в самую дальнюю банку с гречкой, как будто это был не кусок пластика, а радиоактивный изотоп. Но даже там она продолжала излучать тревогу, от которой стыла кровь.

Он знал, где я работаю. Значит, теперь отделение под прицелом. А я... я стала тем самым «кротом», о котором в детективах говорят с таким презрением. Только не по своей воле. Меня не завербовали, не подкупили. Меня просто до смерти напугали.

Утром я выглядела ещё хуже, чем вчера. Глаза заплаканные, лицо землистое. Розовый костюм висел на мне, как на вешалке. Я надела его с отвращением – он вдруг показался мне кричащим, вульгарным, привлекающим внимание. Таким же дурацким, как и я сама.

Дорога на работу превратилась в партизанский рейд. Я шла, постоянно оглядываясь, пересекала улицу в неположенных местах, заскакивала в подъезды, если позади слышала слишком быстрые шаги. Сердце колотилось где-то в горле.

В отделении меня ждал тот же напряжённый хаос. Кожухов снова был в отъезде, и это вызывало странное чувство облегчения. Я боялась его взгляда. Боялась, что он одним своим пронзительным, циничным взглядом увидит всё: и мой ночной поход, и встречу с тем человеком, и страх, что разъедал меня изнутри.

Лейтенант Зайцев, проходя мимо моего стола, свистнул.

– Света, ты чего такая помятая? Вчера, небось, гуляла? – он подмигнул, но в его глазах я прочитала не только шутку, но и любопытство.

– Да нет, – буркнула я, уткнувшись в машинку. – Мигрень.

– Ага, понимаю, – он не отставал. – Слышала, вчера опять того «Соба» нашли? Того, что в наших дворах...

Я дёрнулась, и палец соскользнул с клавиши, поставив жирный знак «@» посреди текста.

– Нет, не слышала, – прошептала я.

– Странно, – Зайцев присел на край моего стола, и от этого всё моё нутро сжалось. – А мне показалось, ты вчера к фотографиям Кожухова аж потянулась, как магнитом. Интересно тебе стало.

Я подняла на него глаза. Он улыбался, но улыбка была какая-то... колючая.

– Мне всё интересно, – с фальшивой бойкостью заявила я. – Я же новенькая. Хочу вникнуть в работу.

– Вникнуть – это хорошо, – кивнул он. – Только смотри, не вникни во что-нибудь... опасное. Места у нас тихие, но люди попадают на лихие.

Он спрыгнул со стола и ушёл, насвистывая какой-то мотивчик. Меня бросало то в жар, то в холод. Он что-то знает? Или просто дразнит? Может, это такой стиль общения? Или он «крот», о котором говорил тот человек? Параноидальные мысли роем кружились в голове.

Я пыталась работать, но из меня был ноль толку. Я перепутала все папки, отправила протокол допроса в папку с материалами о кражах велосипедов, а когда Серёга попросил найти ему дело двухгодичной давности, я полчаса искала его в шкафу с канцелярией.

Ближе к обеду вернулся Кожухов. Он вошёл, снял шинель, бросил её на вешалку и прошёл в свой кабинет, не глядя ни на кого. Через пять минут дверь распахнулась.

– Ветрова. Ко мне.

Два слова. Ледяные. Я поднялась, чувствуя, как подкашиваются ноги. Это конец. Он всё знает.

Его кабинет был таким же аскетичным, как и он сам: голый стол, стопки бумаг, потёршееся кожаное кресло. Он сидел, уставившись на меня, и молчал. Минуту. Две. Тишина была оглушительной.

– Ну что, – наконец произнёс он. – Рассказывайте.

– Что... рассказывать? – выдавила я.

– О вчерашнем вечере. Где были? Что делали?

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Он проверяет алиби? Или он уже видел меня там?

– Я... дома была. У меня голова болела.

– Одиннадцатый раз печатаете один и тот же документ, Ветрова, – он ткнул пальцем в стопку испорченных бланков на краю стола. – Руки трясутся. В глаза смотреть боитесь. Вы либо больны, либо напуганы. Или и то, и другое. Говорите, в чём дело.

Я закусила губу. Сказать правду? Но тогда он арестует того человека? А если не арестует? Если у того человека везде связи? Тогда меня убьют. А если Кожухов и есть тот самый «крот»? Тогда меня убьют прямо здесь.

– Я просто... перенервничала, – прошептала я. – После вчерашнего. После того, как кофе пролила. Боюсь, что вы меня уволите.

Он смотрел на меня с нескрываемым скепсисом.

– Боитесь увольнения? – он усмехнулся, коротко и сухо. – Ветрова, вы ведёте себя как провинившаяся кошка, которую тыкают мордой в лужу. Увольнение – это самое меньшее, чего вам стоит бояться в этой жизни. Ладно. Свободны. И приведите себя в порядок. На вас лица нет.

Я выскочила из кабинета, едва не плача от унижения и страха. Он не поверил. Ни единого слова. Он видел, что я вру. И теперь я была под колпаком не только у бандитов, но и у своего начальника.

Остаток дня пролетел в каком-то тумане. Я делала вид, что работаю, Кожухов делал вид, что верит. Когда пробило шесть, я собралась быстрее всех. Мне нужно было домой. В свою крепость. Запереться на все замки и не высовывать нос.

Я почти бежала от автобусной остановки до своего дома. Вечерело. Мой двор, обычно такой знакомый и безопасный, сегодня казался полным угроз. Я ускорила шаг, роясь в сумочке в поисках ключей. Вот он, холодный металл...

И вдруг из-за угла подъезда вышли двое. Крупные, в спортивных костюмах, с капюшонами, натянутыми на головы. Они шли прямо на меня быстрыми, решительными шагами.

– Девушка, постой, – бросил один из них, низким, хриплым голосом.

Инстинкт самосохранения, дремавший где-то глубоко, вдруг проснулся с рёвом сирены. Я рванула прочь. Не думая, не глядя по сторонам. Я слышала за спиной тяжёлые, быстрые шаги.

– Держи её!

Чья-то рука схватила меня за плечо, грубо развернула. Я вскрикнула и изо всех сил ткнула его в лицо ключами. Раздался короткий стон, хватка ослабла. Я побежала снова, но второй был уже рядом. Он повалил меня на землю, придавив своим весом. От удара об асфальт у меня потемнело в глазах. Я почувствовала запах пота, табака и чего-то химического.

– Молчала, стерва! – прошипел он прямо над ухом, и его пальцы впились мне в горло.

В глазах поплыли красные круги. Я пыталась дышать, но не могла. Отчаяние и ярость поднялись во мне волной. Я извивалась, царапалась, пыталась ударить его, но он был слишком силен. Мысль была одна, короткая и ясная: «Всё. Конец».

И вдруг раздался резкий, отрывистый крик.

– Эй! Отстань от неё!

Давящая тяжесть с меня свалилась. Послышались глухие удары, ругань, тяжёлое дыхание. Я, откашлявшись, поднялась на локти. В свете уличного фонаря я увидела, как мой сосед

Антон, тот самый симпатичный студент-юрист, лупил моего нападавшего каким-то учебником в толстом переплёте. Выглядело это нелепо, но, видимо, было больно. Второй бандит, тот, кого я ткнула ключами, схватил товарища за рукав, и они бросились наутек, растворившись в темноте.

Антон стоял, тяжело дыша, его лицо было бледным и разгневанным. Учебник «Уголовное право» лежал на асфальте, его угол был измят.

– Света... Ты... ты в порядке?

Он подошёл ко мне, помог подняться. Я вся тряслась, на глазах выступили слёзы. Стыд, страх и дикая благодарность смешались в один клубок.

– Я... да... спасибо... – я могла выдавить только это.

– Кто это были? – спросил он, оглядываясь по сторонам.

– Не знаю... – честно ответила я. – Грабители, наверное...

Антон покачал головой. Он поднял свой учебник и мою сумочку, содержимое которой снова оказалось разбросано по асфальту.

– Грабители не стали бы так настойчиво тебя душить. Они бы просто вырвали сумочку и убежали. Это было что-то другое.

Он был прав. Это было что-то другое. Это было предупреждение. Или попытка убрать свидетеля. Тот человек в пальто передумал. Он решил, что я слишком опасна. Или его люди действовали по своей инициативе.

– Пойдём, я провожу тебя до квартиры, – твёрдо сказал Антон, беря меня под локоть.

Я не сопротивлялась. Мы молча поднялись на мой этаж. Я с дрожью в руках вставила ключ в замок. В квартире пахло одиночеством и вчерашними пельменями.

– Хочешь чаю? – спросил Антон, пока я, всё ещё трясясь, опускалась на стул на кухне.

Я кивнула. Он, похоже, знал, где что лежит – наши кухни были одинаковыми. Через несколько минут он поставил передо мной стакан с горячим, крепким чаем. Я обхватила его ладонями, пытаясь согреть ледяные пальцы.

– Света, – он сел напротив. Его лицо было серьёзным. – Ты должна сказать, что происходит. На тебя напали. Это уже не шутки. Может, в милицию заявить?

– Нет! – вырвалось у меня с такой силой, что он отшатнулся. – То есть... нет. Не надо. Наверное, ты прав, просто грабители. Зачем забивать отделение ерундой...

Он смотрел на меня с нескрываемым недоверием.

– Ты боишься. И это не страх перед грабителями. Ты боишься кого-то другого.

Слёзы, которые я сдерживала, хлынули ручьём. Всё внутри перевернулось от его простых и точных слов. Я положила голову на стол и зарыдала. Всё: и первый день на работе, и пролитый кофе, и мокрые сводки, и тот страшный двор, и человек с орлом на руке, и его бархатный, смертоносный голос, и сегодняшний допрос у Кожухова, и эти пальцы на горле... Всё вырвалось наружу в одном истерическом потоке.

Антон не перебивал. Он молча сидел и ждал. Когда мои рыдания поутихли, он протянул мне бумажную салфетку.

– Расскажи, – мягко сказал он. – С начала.

И я рассказала. Всю дурацкую, страшную историю. Про помаду, про убитого «Сома», про человека по имени Волков, про татуировку орла, про его угрозы. Про то, что он теперь знает, где я работаю. Я не сказала только про отца – эта рана была ещё слишком свежа и непонятна мне самой.

Антон слушал, не проронив ни слова. Его лицо становилось всё более мрачным.

– Ё-моё, Светка, – выдохнул он, когда я закончила. – Ты влипла по уши. Это же ОПГ «Оберег». О них все наслышаны. А Волков... я что-то такое слышал. Его называют «Хозяин». Говорят, он контролирует полгорода. И он знает, что ты свидетельница? И что ты работаешь в милиции?

Я кивнула, снова чувствуя приступ тошноты.

– Но он же сказал, чтобы я молчала! А сегодня... сегодня это он прислал этих людей? Или Кожухов? Или кто-то ещё?

– Неважно, кто именно, – Антон провёл рукой по волосам. – Важно, что ты теперь как на ладони. И для бандитов, и, возможно, для кого-то в твоём же отделении. Ты не можешь доверять никому.

– А тебе? – спросила я, глядя на него полными слёз глазами.

Он на секунду замялся, потом твёрдо сказал:

– Можешь. Я не люблю, когда сильные бьют слабых. А ты... – он чуть улыбнулся, – ты, по ходу, самая слабая и незащищённая из всех, кого я видел. Но, чёрт возьми, самая упрямая. Ты же не бросишь работу?

– А куда я денусь? – горько спросила я. – Меня убьют в любом случае. Там хоть Кожухов злой, но он... настоящий милиционер, кажется. А здесь...

– Здесь ты не одна, – сказал Антон. – Я помогу. Я буду твоим... адвокатом. И телохранителем. По крайней мере, пока не разберёмся, что к чему.

Он сказал это так просто и уверенно, что в моей измученной душе наконец-то забрезжил крошечный лучик надежды. Я была не одна. У меня появился союзник. Глупенькая блондинка и студент-юрист против всей криминальной мощи Москвы девяностых. Звучало как анекдот. Но это была моя реальность. И теперь мне предстояло в ней выжить.

Глава 4. Секреты маминой шкатулки

Утро пришло серое, безнадежное, в тон моему настроению. Я пролежала всю ночь с открытыми глазами, прислушиваясь к скрипам дома и при каждом шорохе вжимаясь в подушку. Нападение во дворе оставило не только синяк на плече и ссадину на локте, но и глубокий, животный страх, поселившийся где-то в подкорке. Они знали, где я живу. Значит, в любой момент могли прийти снова.

Антон ушёл поздно, пообещав, что утром проверит, не осталось ли во дворе «гостей». Его присутствие было единственным лучом света в этом крошечном аду. Но он был всего лишь студентом. А против нас играли профессионалы с синими орлами на запястьях.

Я не пошла на работу. Впервые за свою короткую карьеру я набрала номер отделения и, задыхаясь, сообщила дежурному, что у меня... мигрень. Голос у меня дрожал, и я была уверена, что мне не поверят. Но дежурный, кажется, лишь равнодушно буркнул: «Понял». Видимо, Кожухов уже подготовил их к тому, что новая секретарша – это сплошная головная боль в прямом и переносном смысле.

Оставшись одна в квартире, я почувствовала себя в ловушке. Сидеть и ждать, пока за мной придут? Нет. Это было хуже всего. Надо было что-то делать. Но что? Бежать к Кожухову и во всём сознаться? Слишком рискованно. Он мог оказаться тем самым «кротом». Искать защиту у Антона? Он и так уже рисковал из-за меня.

И тогда я вспомнила о единственном человеке, который, несмотря на расстояние, всегда был на моей стороне. О маме.

Набрать номер я решилась только с третьего раза. Пальцы не слушались, а в горле стоял ком. Трубку сняли почти сразу.

– Светка? Это ты? Что случилось? – голос матери был пронзительным, полным немедленной тревоги. Она всегда чувствовала, когда у меня были проблемы.

– Мам... – и всё. Я снова расплакалась, как маленькая девочка, которую обидели во дворе.

– Светик, родной, успокойся! Говори, что там? На работе что? Начальник обижает?

Я пыталась говорить связно, но получалась каша из слов: «милиция», «убийство», «помада», «двор», «напали»... Я умолчала только о визите к Волкову и о его угрозах, заменив это на «меня напугали бандиты».

Мама слушала, и с каждым моим словом её дыхание на том конце провода становилось всё чаще.

– Господи, Светлана... Я же говорила, не лезь ты в эту милицию! Москва... она тебя сожрёт! Плюнь ты на всё и приезжай домой! Сейчас же покупай билет!

– Не могу я, мам! – всхлипнула я. – Меня же убьют! Они знают, где я живу! Они придут и здесь найдут!

– Кто «они»? Какие они? – в голосе матери послышалась настоящая паника.

– Мам... – я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь. – Тот человек... тот, которого убили... и тот, который был с ним... У него была татуировка. На руке. Орёл с короной. Синий.

На том конце провода воцарилась такая мёртвая тишина, что я на секунду испугалась, не разъединило ли нас.

– Мама? Ты слышишь?

– Слышу... – её голос стал тихим, почти шёпотом. – Света... ты точно видела? Орёл? С короной? Синий?

– Точно! А что? Ты... ты что-то знаешь?

Последовала ещё одна пауза, такая тяжёлая, что её можно было потрогать.

– Светка... – она говорила с трудом, будто слова застревали у неё в горле. – Этого не должно было случиться. Я думала, всё кончилось... давно...

– Что кончилось? Мам, говори прямо!

– Твой отец... – она замолкала, потом снова начинала, срываясь. – Твой отец, Витя... У него была такая же.

Мир вокруг меня поплыл. Я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

– У папы? Какая татуировка? Он же... он же работал на заводе! Он был инженером!

– Нет, – горько выдохнула мать. – Нет, Света. Он не всегда был инженером. В молодости... он был другим. Он связался с плохой компанией. С теми, кто потом стал этим... «Оберегом». Эта татуировка... её делали всем, кого принимали в их братство. Орел с короной. Знак верности. И молчания.

Я не могла дышать. Мой отец, чью фотографию в военной форме я хранила как реликвию, чьи рассказы о заводе я слушала, раскрыв рот... Он был одним из них? Он был бандитом?

– Но... но он же пропал? В девяносто первом... В командировке...

– Он не пропал, – голос матери стал твёрже, в нём зазвучала старая, незаживающая боль. – Его убили. Я всегда это знала. Он... он хотел уйти от них. Начал своё дело, хотел жить честно. Они его предупредили. А потом... он просто не вернулся домой. Через три дня нашли его машину на обочине под Ярославлем. Пустую. Его тело так и не нашли.

Слёзы текли по моему лицу, но я их не замечала. Всё встало на свои места. И одновременно перевернулось с ног на голову.

– Значит... тот человек... Волков... Он знал папу?

– Арсений Волков? – мама произнесла это имя с такой ненавистью, что мне стало холодно. – Да. Они были... знакомы. Очень близко знакомы. Говорили, Волков был его другом. А потом стал его палачом. Света, ты должна бежать! Слышишь меня? Если Волков узнает, чья ты дочь... он не оставит тебя в живых. Ни за что!

Теперь я понимала. Его пристальный взгляд, его вопрос «узнала ли ты меня?». Он не спрашивал, узнала ли я в нём бандита. Он спрашивал, узнала ли я в нём убийцу своего отца. А я, дура, проболталась про татуировку! Я сама подставила себя под удар.

– Мам... что мне делать? – прошептала я, чувствуя себя совершенно потерянной.

– Уезжай, дочка! Сейчас же! Брось всё! Я вышлю тебе денег на билет...

– Нет, – неожиданно для себя я сказала твёрдо. Теперь, когда первый шок прошёл, его место стала заполнять странная, холодная решимость. – Нет, мам. Я не могу убежать. Они убили папу. А теперь хотят убить меня. Я... я должна что-то сделать.

– Светлана, не говори глупостей! Ты одна! Что ты можешь сделать?

– Я не знаю, – честно призналась я. – Но я должна попытаться. Хотя бы узнать правду.

Мы проговорили ещё полчаса. Мама умоляла, плакала, но я стояла на своём. В конце концов, она сдалась, пообещав прислать всё, что у неё было – старые фотографии, какие-то записи отца. Когда я положила трубку, я чувствовала себя не просто напуганной дурочкой, а кем-то другим. Во мне проснулась дочь человека, которого убили. И это придавало сил.

Первым делом я вытащила из банки с гречкой ту самую помаду. Она больше не была просто уликой. Она была символом. Символом связи моего прошлого с настоящим. Я спрятала её получше – в коробку из-под зимних сапог на антресоли.

Потом я решила действовать по-настоящему. Как сыщик. Нужна была информация. И я знала, где её взять. Публичная библиотека. В девяностые интернет был диковинкой, а вот старые газеты хранили все тайны.

Дорога до библиотеки была не менее напряжённой, чем вчерашний поход на работу. Я шла, закутавшись в самый немаркий платок, и постоянно оглядывалась. В читальном зале пахло старыми книгами и пылью. Я заполнила требование на подшивки газет за 1990-1992

годы – «Московский комсомолец», «Комсомольскую правду», «Известия». Мне принесли несколько огромных фолиантов, и я погрузилась в прошлое.

Листать пожелтевшие страницы было странно. Здесь была другая жизнь. Другой мир. Реклама финансовых пирамид, статьи о рэке, криминальные хроники. Я искала любые упоминания об «Обереге». Сначала безуспешно. Потом, в номере «МК» за октябрь 1991 года, я наткнулась на небольшую заметку на самой последней полосе, в разделе «Происшествия»:

«В районе Ярославского шоссе обнаружен автомобиль «Волга» ГАЗ-24, принадлежащий вице-президенту коммерческого банка «Статус» Виктору Ветрову. По предварительным данным, владелец автомобиля пропал без вести три дня назад. В салоне и багажнике следов борьбы не обнаружено. Милиция проводит проверку».

Виктор Ветров. Мой отец. Вице-президент банка. Ни слова о заводе. Ни слова об инженерной должности. Мама всё скрывает. Чтобы защитить меня? Или чтобы защитить себя?

Я продолжила листать, и моё сердце снова заколотилось. В номере за ноябрь того же года была ещё одна заметка, на сей раз побольше. Заголовок: «Загадочное исчезновение банкира: версии». В статье упоминалось, что Ветров начинал как частный предприниматель в конце восьмидесятых, быстро набрал вес в финансовых кругах, но, по слухам, имел связи с организованными преступными группировками. Было названо и имя – ОПГ «Оберег». А ещё... там мельком упоминался человек по имени Арсений Романович Волков, названный «партнёром» Ветрова по ряду спорных предприятий.

Вот оно. Подтверждение. Правда, которую от меня скрывали. Я чувствовала себя так, будто меня ударили по голове. Мой отец был не жертвой. Он был частью этой системы. Может, и не святой, но частью. И Волков был его партнёром. А потом стал его убийцей.

Я вышла из библиотеки с тяжёлой головой и ещё более тяжёлым сердцем. Улицы Москвы, по которым я шла, казались мне теперь гигантским кладбищем тайн и предательств. Я машинально свернула на оживлённую улицу, где располагались банки и офисы. Мой взгляд скользнул по вывеске одного из них – «Коммерческий банк «Статус»». Тот самый банк, где работал отец.

Я остановилась как вкопанная. Сердце зашлось. А что, если... что, если Волков всё ещё здесь? Ведь он был партнёром отца. Может, он забрал его дело себе?

Безотчётное, иррациональное желание – увидеть его снова, но теперь уже зная, кто он такой, – погнало меня вперёд. Я подошла к большому стеклянному зданию. Внутри – мрамор, золото, дорогие костюмы. Я робко толкнула тяжёлую дверь.

В вестибюле царила атмосфера дорогой, бездушной роскоши. Ко мне сразу же подошёл охранник в униформе.

– Вам кого?

– Я... я по объявлению, – соврала я первое, что пришло в голову. – На вакансию секретаря.

Охранник лениво махнул рукой в сторону ресепшена. Я подошла к строгой даме за стойкой и повторила свою легенду. Пока она что-то смотрела в журнале, я озиравлась. И тут я увидела его.

Он выходил из лифта в сопровождении двух таких же дорого одетых мужчин. Арсений Волков. В тёмном, безупречно сидящем костюме, с галстуком, от которого слепило глаза. Он что-то говорил своим спутникам, улыбаясь той жестокой, холодной улыбкой, которую я видела в темноте двора. Он выглядел как хозяин жизни. Как король. И на его запястье, когда он поправил манжет, я снова увидела синий контур орла.

Меня будто парализовало. Страх сковал всё тело. Он был здесь. В своей крепости. Всего в нескольких метрах от меня.

И вдруг, как будто почувствовав мой взгляд, он медленно повернул голову. Его глаза встретились с моими. Сначала в них мелькнуло простое любопытство, потом – лёгкое удивле-

ние, и, наконец, – жуткое, безмолвное узнавание. Он узнал меня. Узнал глупенькую блондинку из двора, которая теперь стояла в его банке.

Он не подал виду. Не изменился в лице. Он лишь чуть заметно кивнул мне, как знакомой, и продолжил разговор, направляясь к выходу. Но в том кивке, в том коротком взгляде, было всё: и напоминание об угрозе, и вопрос: «Что ты здесь делаешь?», и холодное любопытство хищника, наблюдающего за неосторожной добычей.

Я стояла, не в силах пошевелиться, пока его фигура не скрылась за стеклянной дверью.

– Девушка? – голос секретарши вернул меня к реальности. – У нас нет открытых вакансий секретаря. Может, вас интересует должность уборщицы?

Я покачала головой, не в силах вымолвить ни слова, и, шатаясь, выбежала на улицу. Меня трясло. Теперь я знала его имя. Я знала, где он работает. И он знал, что я это выяснила. Игра изменилась. Из панического бегства она превратилась в нечто другое. В странную, смертельно опасную охоту, где я была и охотником, и дичью одновременно.

Я шла домой, и в голове у меня стучала одна-единственная мысль, родившаяся из обломков старой жизни и нового страха: «Он убил моего отца. И теперь пришёл мой черёд». Но вместе со страхом во мне поднималось что-то ещё. Упрямство. Жажда правды. И дочерняя ярость. Глупенькая блондинка из Мухоморска решила идти до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.